
**«ЧАСТНИК ПРОРЫВАЕТ ФРОНТ
ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА...»:
«АСТРАХАНСКОЕ ДЕЛО» В ПРОТОКОЛАХ
СОБРАНИЙ ТРУДЯЩИХСЯ**

А.О. Тюрин

Кафедра Отечественной истории
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20, Астрахань, Россия, 414056

В предлагаемой статье на основе архивного материала описываются и анализируются дискуссии, проходившие на общих и партийных собраниях различных предприятий, посвященные астраханскому процессу. В статье показаны мнения горожан о социально-экономической и политической ситуации как в регионе, так и в стране в целом.

В исторической литературе излагалось достаточное количество точек зрения, которые касались политических процессов конца 1920-х гг. По своей масштабности «астраханщина» превосходила все ранее проходящие подобные процессы, включая «Шахтинское дело». В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что «астраханщина» была показательным примером свертывания НЭПа и окончательным переходом к административно-командной экономике.

Основная канва событий, связанных с политическими процессами конца 1920-х гг., в том числе и с «астраханщиной», хорошо известна. В предлагаемой статье мы рассмотрим различные мнения самих астраханцев о процессе, примеры дискуссий, посвященных «астраханщине», высказывания горожан не только об «астраханском деле», но о социально-экономических и политических проблемах, которые были затронуты в связи с «астраханщиной».

В 1928 г. ситуация в стране накаляется: большинство представителей рабочего класса было недоволено своим материально-бытовым положением. Острый жилищный кризис, уравнительная система в заработной плате, постоянные перебои с продуктами и товарами первой необходимости — все это вызывало недовольство властью, а для простого населения ближе всего местная власть.

В Нижневолжском регионе за период НЭПа достаточно быстро появились новые коммерческие предприятия. Новые частные промышленники и торговцы часто устанавливали коррупционные отношения с партийными, государственными и хозяйственными организациями, и, несмотря на низкий уровень жизни горожан, открыто шиковали.

В конце 1928 г. в Трусовский РК ВКП(б) Астрахани пришло письмо следующего содержания, которое характеризовало настроения определенной части общества: «Товарищи рабочие мы празднуем одиннадцатилетие Советской власти, и что же мы видим. За эти 11 лет социалистической стройке появилась новая буржуазия, которые получают от 200 до 500 рублей в месяц и столько же воруют. Мы видим, что часть руководящего состава ездит на автомобилях и имеет

швейцаров, насаждает разврат. А мы рабочие смотрим на это с ужасом и боимся сказать, что так жить нельзя. Товарищи рабочие нашу свободу задушили вот эти бюрократы...» (1).

Суть астраханского дела сводилась к тому, что ряд частных и кооперативных организаций при помощи взяток должностным лицам снижали свои налоговые отчисления. При этом были арестованы и репрессированы не только непосредственно виновные лица, также чистке подверглись многие хозяйственные (к примеру, центральный рабочий кооператив), государственные (исполнительный комитет) и партийные организации (окружной и районные комитеты ВКП(б)) Астраханского округа.

В ЦК ВКП(б) была представлена следующая характеристика социально-экономической и политической ситуации в Астрахани. Приведем выдержки из секретного доклада в ЦК ВКП(б): «В Астрахань в начале сезонной работы (путины) прибывают отовсюду люди, ищущие легкой наживы: различные неудачники, прогоревшие торговцы, преступные элементы и им подобные. Вся эта пронырливая публика приезжает в город с целью совершения каких-либо махинаций в торговле и кооперативном секторе. Кроме того, в городе царит пьянство и разврат. Вообще Астрахань называют „пьяным городом“, и это никого не удивляет, так как пьянство здесь нормальное явление» (2).

В официальном докладе «О положении дел в Астраханской партийной организации» говорилось: «Большинство рабочих округа работают в рыбной промышленности, тяжелые жилищные условия (многие тоневые рабочие живут в землянках). Ставка первого разряда в Государственном рыбном тресте (Госрыбтрест) — 13 р. 50 к., тогда как у частника — от 25 до 30 рублей. Подачки и высокая зарплата развращают рабочих, и притупляют их классовое чутье. Нередки случаи, когда рабочие отказываются идти на работу на государственные промыслы и предприятия, часто выступают в защиту частника» (3).

Данные характеристики позволили сделать следующие выводы Кагановичу: «Вот говорили, что в Москве частник был силен, но мы здесь в Москве имеем мощный пролетариат, так что это никак не сравнимо с Астраханью. Индустриального пролетариата там мало, промышленность носит кустарный характер, большое количество нэпманских и мещанских элементов, а партийная организация слаба и разложена». В мае 1929 г. на оргбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов подвел итог обсуждению: «Мне кажется, что в отношении астраханского дела нужно сказать, что это глубоко политическое дело» (4).

Расследование длилось весь 1928 г. и закончилось в мае 1929 г. Первоначально арестованным было предъявлено обвинение по ст. 117 и 118 УК РСФСР (дача и получение взяток). Однако по указанию из Москвы вину переквалифицировали по ст. 57 ч. 7 — «экономическая контрреволюция», и дело приобрело политический оттенок.

Средства массовой информации делали все, чтобы предать этим делам политический характер, а на митингах и собраниях говорилось о контрреволюционерах и диверсантах, осуществлявших подрывную деятельность.

Местная газета «Коммунист» ежедневно печатала гневные письма рабочих судоремонтных заводов, ловцов и пионеров с требованием расстрелять сидевших на скамье подсудимых. Так, газета «Ловец и крестьянин» писала: «Рабочие и работницы консервного завода на митинге требовали: „Расстрелять негодяев! Расстрелять!“». На всех митингах трудящиеся города требуют от пролетарского суда применить к главным виновникам высшую меру социальной защиты — расстрел» (5).

Эта же газета в другой статье делала следующий вывод из всего происходящего: «Астраханское дело не просто уголовное. Оно имеет большой политический смысл. Астраханское предательство показывает, что классовый враг в нашей стране еще настолько силен, что иногда переходит в наступление и прорывает фронт диктатуры пролетариата» (6).

Практически весь 1929 г. в Астрахани проходили различные собрания по «астраханскому делу». После ознакомительных докладов присутствующие задавали вопросы и участвовали в прениях. На многих предприятиях и организациях проводились так называемые чистки кадров.

В специальном отчете по отношению населения к «астраханщине» говорилось следующее: «Интерес, как партийных, так и беспартийных жителей к делу чистки местной партийной организации в рамках «астраханщины» велик. На собраниях и в партийных ячейках на протяжении 5—10 дней велись разъяснительные читки, на которых ежедневно присутствовало от 300 до 500 человек, в основном беспартийных» (7).

С другой стороны, в этом же докладе говорилось, что многие партийные организации и рабочие не воспринимают «астраханщину» как политическое дело. Скорее всего, эти представления были верны, потому что оно являлось экономическим преступлением. В частности, в докладе сказано, «что на некоторых предприятиях города встречаются случаи беспринципного отношения к чистке, то есть встречается непонимание ее политических задач».

Примером этому служил случай на муфлоновом заводе в Астрахани, где при рассмотрении кандидатуры некой К. (была членом бюро окружка ВКП(б) в период «астраханщины») партийная ячейка дала ей положительную характеристику, мотивируя это тем, что «мало ли, что было раньше, сейчас она ведет себя хорошо». Усилиями проверочной комиссии ее все-таки исключили из партии. Тогда она стала писать апелляцию в ЦКК ВКП(б). Для этого по заводу был пущен подписной лист, в котором более шестидесяти рабочих предприятия поддержали ее кандидатуру (в том числе члены ВКП(б)), а также собрали ей деньги для поездки в Москву (8). Скорее всего, это частный случай, когда произошло выступление большей части коллектива (возможно, инициатором явилась партийная ячейка) в защиту работницы. При этом трудящиеся завода не побоялись выступить против решения московской проверочной комиссии, догадываясь, какие могут быть последствия.

На предприятиях, говорилось в докладе, «были случаи примиренческого отношения к правому уклону в практической работе, встречаются случаи, замазы-

вающие политическую суть „астраханщины“, как проявление правого уклона, в частности это было на заводе им. К. Маркса и на заводе им. Ф. Энгельса» (9).

В отчетах и сводках «О проработке решения ЦК об Астраханской организации» отмечалась низкая активность выступающих. Так, на заводе им. X лет Октября из 600 присутствующих в прениях выступило только 13 чел., на общем собрании предприятия Государственного рыбного треста (Госрыбтрест) из 230 присутствующих выступал только один.

Информатором делались выводы, что «с самокритикой в старых условиях (в период «астраханщины» — *прим. авт.*) дело обстояло очень остро, и существовал зажим». В доказательство этому он приводит примеры некоторых высказываний на разных собраниях. «Характерными являются следующие выступления: „На промыслах партийные и профессиональные организации вылавливают рабкоров и говорят — вы можете писать то, что мы вам укажем, а не то вы будете контрреволюционерами“».

«Товарищ С... Государственное пароходство (Госпароходство) говорил, что он на райконференции выступал против пьяниц и получил в ответ угрозу, что его пошлют в деревню „на хорошее место“. „Однажды слышала, как бывший председатель Губисполкома на одном собрании сказал в адрес репортеров, что гнать эту репортерскую сволочь, чтобы они не раздували сплетен и не писали чего не следует“ (выступающая М. завод им. Урицкого)» (10). «На заводе им. Воровского рабочие открыто спросили: „Не выгонят ли их с работы за критику?“» (11).

С другой стороны, на многие замечания и жалобы со стороны промысловых рабочих властные структуры, как местные, так и центральные, просто не обращали внимания. Так, в одном из отчетов Нижневолжского крайкома отмечалось, что «на одном из собраний рабочих астраханских промыслов возмущался: „Разве Советская власть не знает, что на промыслах творится разврат и хищение, кабала и издевательство. Все это скрыто нажимом заведующего, а скажи наш брат, те же коммунисты заткнут рот, и не пикнешь. Очистить промыслы от негодяев, тогда и самокритика будет. Рабочие два года говорят, что на промыслах пьяницы, бюрократы и взяточники, а что сделано? Ничего. Все наша критика и самокритика пойдет прахом“ (всего было зарегистрировано около 40 подобных разговоров в городе и на промыслах)» (12). Это было сказано в конце 1928 г., за полгода до астраханского процесса. Такая реакция властей вызывала недоверие и равнодушие.

Расширенные обсуждения состоялись в районных комитетах ВКП(б) Астрахани. При этом на них присутствовали как партийные, так и беспартийные рабочие и служащие. Так, на расширенном пленуме Селенского РК ВКП(б) (в Селенском районе Астрахани находились многочисленные рыбные промыслы на реке Болда, их особо считали «засоренными частником»), который проходил 9 июня 1929 г., были даны следующие оценки «астраханскому делу», а вместе с ним всей ситуации, сложившейся в партийных и хозяйственных организациях.

Так, выступающий товарищ Ш. видел просчеты в слабом контроле: «Товарищи, мы попали в такую яму, что нужно долго исправлять. Мы в годы революции с оружием в руках боролись за осуществление Советской власти, и мы это

честно отстаивали, но после этого слабо контролировали руководящих работников». Некоторые выступающие говорили о причастности к сотрудничеству с частником практически всех организаций и служб: «Мы все с вами виноваты» (выступающий Ч., Лесозавод № 5 ВКЛ).

Представитель партийной ячейки городского трамвайного парка (Гортрамвай) обвинял всю партийную организацию: «Астраханская парторганизация — в критическом положении. Мы сползли с классовой линии. Проявление правого уклона изобилует в практике. Районные парторганизации не били тревогу. В нашем районе на Болде свирепствовал частник на 50%, а мы своей политической близорукостью не заметили частника и что у нас в рыбной промышленности не благополучно».

Докладчик от Астраханского центрального рабочего кооператива (АЦРК или ЦРК) пытался оправдать деятельность своей организации: «Астраханское дело для нас не ново, мы об этом писали в журнал „Крокодил“ и другую прессу, но где был Окружком и ЦК ВКП(б)?».

Выступающий от «Астраханских холодильников» заявил прямо: «Нельзя винить рабочих, надо винить партруководство. В потребительском союзе давали заказы частнику, а нас называли бузотерами и оппозиционерами, но мы должны идти твердыми шагами по раскрытию этих гнойников». С ним соглашался представитель партийной ячейки завода им. Энгельса: «Во всех выступлениях не видно, что слабы низы. Возьмите работу АЦРК, они ссылались на Окружком, а брали и сажали частника на руководящую работу. Старые большевики потеряли чутье, выдвижение рабочих разбивается в доску, а в целом низы сигнализировали, но верхи этого не принимали».

Особо острые выступления принадлежали представителям из партийной ячейки грузчиков. Так, М. заявил: «За двенадцать лет до чего мы дошли с нашей организацией. Отдельные члены партии страдали своим желудком и продались частному капиталу». Его поддержал товарищ и предложил крайние меры: «Головку сорвали, а основной корень еще не вырван, его нужно сейчас же вырвать. Кооператив еще ничего не делает, выдвиженцев гоняют, этот аппарат нужно вычистить в первую очередь. Частника все еще не выгоняют из коммунальных квартир, почистить нужно и нашу милицию» (13).

Развернувшаяся дискуссия была типична для многих предприятий и организаций. В сводке о проработке решения ЦК «Об Астраханской организации» информатор докладывал, что «ряд выступлений на собраниях, которые можно охарактеризовать как нездоровые, сводятся к тому, чтобы свалить последствия „астраханщины“ на Москву и ЦК. Так, выступающий на собрании в Госпароходстве заявил: „Меня побудило выступить то, почему ЦК не принял мер раньше, он давно знал весь секрет гнойников“. Или выступающий на заводе им. III Интернационала недоумевал: „Где был ЦК? Разве он не знал об астраханском гнойнике, почему никаких мер не принимал?“. В целом по ряду собраний были отдельные заявления, которые сводились к утверждению, что „во всем виновата партия в целом, партия разложилась и т.д.“» — отмечает информатор (14).

Большинство активных партийных и хозяйственных представителей на собраниях пытались уйти, с точки зрения следствия, от ответственности в «астраханском деле». Но это было объяснимо, ведь «астраханское дело» проходило после известных процессов 1928 г., и их последствия были известны всем. Отсюда естественное желание людей защитить себя. Поэтому в дискуссии использовались любые приемы, начиная от обвинения всех и заканчивая публичным покаянием.

Но многие искренне не верили, что в столице не знали о происходящем в Астрахани, к тому же в период 1920-х гг. партийно-хозяйственное руководство губернии менялось несколько раз, и именно ставленники центра управляли территорией. Так, на собрании при Гортрамвае партийный рабочий заявил: «Мы являемся козлом отпущения. Где был центр? Они оттуда приезжали и прямо в губком, и все» (15).

Информатор в сводке докладывает, что «на собрании при партийной ячейке бондарей и пищевиков некоторые выступающие пытались представить виноватыми в „астраханском деле“ командированных в Астрахань работников: „Это, мол, они нам нагадили, а мы не при чем“. В доказательство, они пытались скомпрометировать новое астраханское руководство, приписывая одному члену Бюро ОК ВКП(б) связь с чуждым элементом и обвиняя другого в том, что он оборудовал барскую квартиру» (16).

В чем же причина астраханского дела, по мнению информатора? «Актуальнейшим вопросом в условиях астраханской действительности является вопрос выдвигания. Положение в этой области было ниже всякой критики. В результате чистки советского аппарата, еще при старом руководстве, данные показали, что рабочая прослойка в нем составляет 9,5%. В аппарате городского коммунального отдела из 197 сотрудников ни одного рабочего, в ЦРК на 356 сотрудников приходится 18 рабочих, зато в аппарате Госторга работает 35% лишенцев. Дело дошло до того, что выдвинутый секретарем Астраханского Горсовета К. оказался бывшим торговцем» (17). После такого вывода решение напрашивалось само собой — нужно чистить ряды организаций и предприятий, а параллельно выдвигать, особенно на руководящие должности, социально проверенных и политически преданных активистов.

В крупных центрах Нижне-Волжского края были также проведены собрания по проработке материалов об Астраханской партийной организации. Приведем примеры реплик выступающих на собрании по третьему району Саратова. Представитель партийной ячейки Управления банями видел причину «астраханского дела» в следующем: «Если в течение стольких лет творилось безобразие, то, скорее всего, потому, что не было критики, рабочие боялись говорить». Хотя его коллега из этого же Управления открыто критиковал состояние дел в Вольске: «Мы имеем такое же безобразие в Вольске, где расхищается лес, а никаких мер не принимается».

Представитель пожарной охраны предлагал: «После проработки Астраханского дела надо просмотреть основательно работников в Саратове». С ним соглашался докладчик от Госпароходства: «У нас в Саратове также есть руководители,

которым давно не место здесь. Разложился — уйди с дороги, не мешай нам в строительстве». Выступающий от саратовского отдела образования подвел итог: «Астраханское дело — явная контрреволюция, и виновных нужно привлечь к более строгим мерам наказания» (18).

Однако многие саратовцы, интересуясь политическими процессами, наблюдая за многочисленными чистками, недоумевали: «У нас уже не первый урок. Было смоленское дело, теперь астраханское, а больных мест все еще много» (выступающий от пожарной охраны Саратова). Рабочий Саратовской ГЭС не понимал: «Если работник проворовался, то говорят, что он ошибся. У нас был случай, когда один выдвигенец оказался вором, а райком его защищал» (19).

Как говорилось выше, трудящиеся достаточно активно посещали собрания, посвященные астраханскому делу, но участвовали в прениях неохотно. Как отмечалось в отчете Селенского РК ВКП(б), «Критики и самокритики от низов нет, критикует только актив» (20).

Уже после судебного процесса и исполнения наказания Селенскому РК ВКП(б) было дано предписание перестроить работу на Болдинских промыслах и устранить последствия «астраханщины». Для усиления политического и партийного влияния был организован отдельный партийный коллектив с цеховыми ячейками. Подвергся чистке состав Селенского РК ВКП(б), более 35% партийных работников райкома были привлечены к ответственности.

Но, несмотря на предпринятые меры, как отмечалось в отчете, партийная организация не смогла развернуть массовую работу. Причинами, по мнению райкома, являлись «сильное разложение рабочих Болдинских промыслов. Ими были предприняты попытки прямой контрреволюционной демонстрации — символическое возложение венка на могилу Солдатова (один из участников астраханского дела, крупный рыбопромышленник — *прим. автора*). Были зафиксированы протесты рабочих групп против расстрела астраханских вредителей и против ареста попов» (21).

Вот таким образом рабочие-ловцы и переработчики (то есть непосредственно заинтересованная социальная группа) отреагировали на попытку национализации промыслов, которая влекла за собой понижение заработной платы, и достучаться до их рабочей сознательности было бесполезно.

На общем собрании астраханских железнодорожных рабочих, посвященных «астраханщине», информатором были зафиксированы следующие высказывания: «Старое руководство занималось делячеством, а как же назвать новое, при котором мы на пайке сидим?». Далее информатор приводит описание общего настроения собрания: «Многие цедили сквозь зубы, а другие говорили прямо про новое руководство, что оно нам ничего не даст, и даже ликвидирует частника». На собрании в Гортрамвае выступающий прямо заявил: «Когда была „астраханщина“, то везде было всего достаточно, а теперь при новом руководстве жрать нечего!» (22). Большинство информации показывало, что жители Астрахани были недовольны новой местной властью, особенно рабочие.

Вот типичные примеры высказываний рабочих, приведенные информаторами для отчета о политических настроениях в Астрахани: «По раскрыли много грязи кругом, туго становиться, начинается вспоминаться 1918 — 19-й года... за десять лет изучили мы политику, так прижали рабочих, что без куска хлеба и работы оставили», «вот наводились, добились свободы, чтобы лучше жилось рабочим, а на самом деле мы живем сейчас хуже, чем раньше... везде растраты, и растратчики получают хорошие места» (23).

Официальная пропаганда сделала много для того, чтобы «астраханщина» надолго осталась в памяти у населения как вредительское контрреволюционное движение. Один из современников «астраханского дела» в письме к своему товарищу, написанному в 1935 г., следующим образом охарактеризовал «астраханщину»: «Ты спрашивал о старых знакомых?.. Нет их сейчас почти никого. Все рассыпались. Заметь, что у нас дважды есть „астраханщина“. Тебе понятна и известна эта штука. А она здорово подчистила и подтянула Астрахань... Я вот сейчас напрягаю память и думаю: кого бы тебе назвать из наших старых знакомых. Право, затрудняюсь. Вот видишь, какая стала Астрахань: заново перестроилась и переформируется. И люди в ней теперь все новые. Это, конечно, не плохо. А то у нас буквально было болото» (24).

Молодой человек в письме к своему знакомому в 1939 г. писал: «Из полученных последних писем мне писали, что у вас там нет ни мыла, ни сахара, ни керосина, ни даже спичек. Меня это очень поражает. Я думаю, что после этого нетерпимого случая не будет ли открыта новая „астраханщина“, других мыслей и предположений быть не может, ибо это будет смешно и глупо думать о том, что у нас спичек не стало. Безусловно, здесь играет рука самого врага, борющегося против нашей счастливой и цветущей страны человечества» (25).

Жительницы Астрахани Сустрина В.Э. написала свои мемуары в 60—70-е гг. XX в., которые посвятила жизни своей семьи. В своих воспоминаниях она следующим образом охарактеризовала события «астраханщины»: «В конце 20-х гг. в Астрахани вскрыли крупную вредительскую организацию, членов которой судили в театре (мы студентами сельскохозяйственного техникума ходили на галерку театра слушать процесс). К сожалению, я не помню подробностей деятельности этой организации, знаю только, что они хотели полностью разрушить рыболовецкое дело, промышленность и сельское хозяйство Астраханского края. Эту банду тогда называли „астраханщина“, и бандитов в ней было много» (26).

Несмотря на политическую фальсификацию всего процесса, «астраханщина» показала политическую активность определенной части горожан и вскрыла многие проблемы, в большей степени социально-бытового характера, которые волновали жителей. С течением времени сталинская интерпретация «астраханского дела» смягчалась, так как само слово «астраханщина» иногда ассоциировалось занятиями населения Астраханского региона с «экономической контрреволюцией», «с вражеской деятельностью внутри Советского государства». Спустя несколько десятков лет участники процесса были реабилитированы. Однако долгое время имя древнего города стало нарицательным ярлыком, обозначающим крайнюю степень коррупции и казнокрадства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) ГАСД АО (Государственный архив следственных дел Астраханской области). — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 179.
- (2) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 56. — Л. 41—42.
- (3) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 37.
- (4) Там же. — Л. 31—32.
- (5) Ловец и крестьянин. — 1929. — 28 августа.
- (6) Ловец и крестьянин. — 1929. — 4 сентября.
- (7) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 187.
- (8) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 34.
- (9) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 188, 189.
- (10) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 41.
- (11) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 48.
- (12) ГАНИСО. — Ф. 55. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 93.
- (13) ГАСД АО. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 5—9.
- (14) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 41.
- (15) ГАСД АО. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 7.
- (16) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 42.
- (17) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 42.
- (18) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 129
- (19) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 129
- (20) ГАСД АО. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 11.
- (21) Там же. — Л. 24—25.
- (22) ГАСД АО. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 40, 52.
- (23) ГАСД АО. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 15, 17.
- (24) ГАСДАО. — Ф. 2086. — Оп. 1. — Д. 169. — Л. 11.
- (25) ГАСДАО. — Ф. 2086. — Оп. 1. — Д. 155. — Л. 16.
- (26) ГААО. — Ф. 866. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 44.

**«THE PRIVATE TRADER BREAKS THROUGH FRONT
OF DICTATORSHIP OF PROLETARIAT...»:
«THE ASTRAKHAN BUSINESS» IN REPORTS
OF WORKERS' MEETINGS**

A.O. Turin

Department of Russian History
Astrakhan State University
Tatischev Str., 20, Astrakhan, Russia, 414056

In the given article the discussions of the Astrakhan process, which were held during the general and party meetings at different enterprises are described and analyzed on the basis of archive data. Here the opinions of the citizens on socio-economic and political situation in the region and in the country upon the whole are revealed.